

с собой ничего, кроме гуслей, и отправленных своим князем в качестве послов к византийскому императору Феофилу.²⁰

Ипатьевская летопись сохранила половецкое сказание о певце, которого хан Отрок отправляет к хану Сырчану в качестве посла, т. е. певцам, по-видимому, как у славян, так и у степных кочевников XI—XII вв. приписывался дар убеждения.²¹

Больше известно о скандинавских певцах — скальдах: смотря по обстоятельствам, они — то купцы, то наемные дружинники, то морские разбойники. Они получают дары за песни, сложенные в честь различных властителей. Но скандинавское песенное искусство X—XII вв. очень далеко по своему характеру от славянского эпического творчества этого времени. Кроме того, у певцов-викингов, по-видимому, отсутствует прочная и живая связь с родиной: в поисках богатства они устремляются вдаль и легко оседают в других, более счастливых странах.²²

Кто были славянские певцы типа Бояна и автора «Слова о полку Игореве»? Конечно, музыкальная и поэтическая одаренность могли проявляться и в древности во всех слоях общества. Поэтому и князь, и тысяцкий, и боярин могли иметь дарование и быть «песнотворцами» или «певцами». Но не надо забывать, что классовое общество воспитывало человека в определенном направлении, готовило его для определенного положения и дела. И в силу классовых понятий о чести, об обязанностях и правах своего положения ни князь, ни боярин не менял свою наследственную должность на «призвание». В то время такой поступок ставил человека в положение изгоя.

Точно так же несвободный человек, какой-бы одаренности он ни был, вряд ли мог позволить себе ту свободу мысли, какую мы находим в творчестве певца «Слова о полку Игореве и которую можно предположить и у Бояна. Несомненно, такие княжеские певцы были свободными людьми.²³

Возможно, некоторые из них были землевладельцами, другие — дружинниками, но они были связаны с местным князем и следовали за ним в поход и на съезды. Вероятно, значение таких певцов было выше в эпоху родового быта, когда они наравне с вождем и жрецом стояли во главе своего племени. Отсюда могла вытекать, как отголосок древности, известная самостоятельность их воззрений. Нельзя, конечно, полагать, что древние певцы всегда стояли выше уровня идей своего века и своего народа и что всегда в их творчестве «отзвук мыслей благородных звучал как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных». Певцы древности могли оставаться и на уровне своего века и преследовать узкие цели своего племени: призывать к мести, к обогащению за счет соседей, к вероломству и злодеяниям.

Но пример автора «Слова о полку Игореве» показывает, что талант в древней Руси мог соединяться и с высокими общественно-моральными идеалами.

²⁰ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940, стр. 25.

²¹ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 155.

²² Так, Гаральд Гардрад, позднее зять Ярослава Мудрого, служит дружинником в Киеве, затем в Царьграде и только будучи избран конунгом возвращается в Норвегию (1044—1066 гг.; см.: Труды В. Г. Васильевского, т. I. СПб., 1908, гл. VII, стр. 258—303). Исландский скальд Гюнлейг-Зминый язык, сын зажиточного землевладельца, — наемный дружинник то в Англии, то в Ирландии, то в Норвегии и в Швеции (Е. Н. Щепкин. Древнеисландская сага «Гюнлейг-Зминый язык». Одесса, 1905).

²³ Рыбников в XIX в. отмечает спокойное достоинство северных крестьян, которые не испытали гнета крепостного права и которым чужда поэтотому приниженность крестьянства средней полосы России.